

Ева Горь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никогда
не предавай мечту

Ева Ночь

Никогда не предавай мечту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67428551

SelfPub; 2022

Аннотация

Он неистовый и пылкий. Умеющий любить и жить на полную катушку. Она – Снежная королева, холодная и отстранённая, не знающая сильных чувств и любви. У каждого из них свои потери и трагедии. И есть только одно, что их объединяет – сумасшедшая, всепоглощающая страсть к танцам. Смогут ли они быть вместе, связанные этим чувством? Достаточно ли его, чтобы покорить мир и... друг друга?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ева Ночь

Никогда не предавай мечту

Глава 1

Макс

Макс Гордеев пил третий день. Не то, чтобы запойно или до беспамятства. Скорее, с толком, с чувством, с расстановкой. С мятными акцентами. Апельсиновыми нотами. Лимонными оттенками. А ещё немного Бахово и Бетховеново, а когда душа просила изящества – Моцартово.

Есть в этом какой-то незабываемый кайф – мешать водку с музыкой. Причём с классической. В камерном исполнении, когда плачут скрипки, вздыхают тромбоны, поскуливают кларнеты. А кто-то там кашляет на заднем фоне. Обязательно кашляет, искажая восприятие прекрасного и подчёркивая несовершенство мира своим задушенным «кха-кха».

Макс шагал по цветам радуги и уже доходил до ступеньки, когда всё фиолетово. Ни плохо и ни хорошо. Никак.

Стены комнаты ещё не наезжали, но уже покачивались. Хотелось чего-то тоскливого или наоборот – жёстко-рокового, но он держался из последних сил, балансируя на грани, чтобы не осквернить классику воем электрогитары.

Она появилась под музыку Глюка. Соткалась из пылинок

солнечного луча и плача флейты. Бледная, как привидение, и такая же страшная. Но Макс не дрогнул. Не родились ещё в аду те черти, что смогли бы его напугать.

– Какая неожиданная встреча, – проговорил он непослушными губами и мрачно ухмыльнулся. Интересно, если закрыть глаза, она исчезнет?

Привидение молчало. Пялилось на него не мигая. Нескладная фигура в свитере не по размеру. Из растянутых рукавов видны лишь тонкие пальцы, а где-то там, гораздо ниже, кажется, есть ноги.

– Выпьем за наше случайное знакомство, – не сдавался Макс. – Выпьем, или проваливай! Здесь и без тебя хватает молчания. И вообще, откуда ты взялась?

– У тебя дверь открыта.

О, заговорила. А он думал, что допился.

– И это повод, чтобы вваливаться ко мне без стука?

– Я стучала.

– А я не слышал.

Макс не сводил с неё глаз. Давил взглядом, как букашку. Рвал на части, как тигр – кусок мяса. Раскладывал на атомы. Развеивал, как пыль.

– Чем, собственно, обязан? – можно не стараться выговаривать все звуки. Сложно и бесполезно. И по хрен, если она его не поймёт.

– Наверное, сейчас не самое лучшее время.

У неё глазищи, как две чёрные космические дыры. Заса-

сывают. От этого нехорошо кружится голова и подташнивает. А может, пора заканчивать пить.

– Время никогда не бывает лучшим. Оно либо есть, либо его нет. Выпьем? – он покачал полупустой бутылкой и искал взглядом стакан. Тщетно. Он пил один и даже ради прикола не ставил посуду для виртуального друга.

– Выпьем, – неожиданно согласилось чучело с коллапсирующими звёздами вместо глаз. Ловко выхватила бутылку. Сжала её тонкими длинными пальцами, покачала из стороны в сторону, словно раздумывая, как осуществить совместное распитие. А затем молча направилась из комнаты вон. Видимо, искать чашку.

Макс поковылял за ней вслед. Зря он это сделал. Нога, как назло, подвела, и он чуть не растянулся у этой мимры на глазах. Успел ухватиться за дверной косяк. Лицо вспыхнуло, как красный сигнал светофора. Он бы сейчас лучше сквозь землю провалился, чем вот так, под её немигающим взглядом.

– Что ты делаешь?... Ах, ты, зараза!

Пока он терзался стыдом, эта крыса выливали в раковину остатки водки. Последняя бутылка, между прочим.

– Тебе уже хватит, – вытряхнула капли, завинтила аккуратно крышку и выкинула стеклотару в ведро. Деловито, нагло, со святым упрямством на узком лице.

– Я сам решаю, хватит или не хватит! – если бы не нога, он бы схватил её за шкурку, за тот самый растянутый до без-

образия свитер крупной вязки, и выволоч из квартиры, как нашкодившего котёнка. Ещё б и пинка дал. – Вали давай! Вон! – прорычал он в ярости и неловко упал на табурет. Хорошо, что тот стоял рядом с дверьми. Здесь теперь всё рядом. Под рукой. Чтобы удобно. Тошнит. От всех и вся.

Она замерла возле раковины, сложив руки на животе. Словно прикрывалась. Будто ожидала, что он ударит. На лице – непроницаемая штора. Никаких эмоций. Безмятежный идиотизм чокнутой сектантки. Вероятно, она одна из этих, что бродят улицами, пристают к людям и рассказывают о конце света. И как-то всё встало на свои места. Ну, не драться же ему с этой блаженной? Не настолько же он низко пал?

– Поиграла в спасение моей души? Можешь считать, что миссию выполнила. И тебе зачтётся. А теперь проваливай.

Она мотнула головой. Так отчаянно, что светлые волосы взметнулись веером и опали на хрупкие плечи.

– Ты прав. Всегда будет не время. Чем это хуже других? Во второй раз я могу не прийти.

– Сделай одолжение, – съязвил Макс. – Во второй раз двери будут закрыты, а я вряд ли тебе открою.

– Тем более.

– Тебя как зовут? – зачем ему имя этой чокнутой?

– Эсмеральда, – немного с вызовом, в ожидании насмешек.

– Да ладно? – не удержался Макс. Ну, как тут не съязвить? – По ходу, твои родители – большие оригиналы. Они

вообще чем думали, когда давали тебе имя?

– Папа – поклонник Гюго, – она забавно складывала губы трубочкой, когда выговаривала фамилию.

– Рок-музыкант? Футболист? Гонщик? – Макс не давал ей раскрыть рот. – Неа, не слышал о таком. Г'го. Язык сломать можно.

– Друзья зовут меня Эс. Эсми, – она явно подсказывала ему. Сердобольная какая.

– Фу. Звучит избито и пошловато. Нафталиново и на чужой манер. Я буду звать тебя Альда. Не спорь. Я лучше знаю. Альда, – пощёлкал он языком, словно пробуя имя на вкус. – Да, однозначно! – затем вперил в неё тяжёлый взгляд исподлобья. – Ну, и чем обязан? Пить ты не хочешь. Богу молиться тоже. Ведь не хочешь, нет?

Девушка отрицательно качнула головой.

– Тогда чего хочешь?

Она помедлила, словно перед выходом на сцену. Он знал эту серию вздохов-выдохов, поджатый к хребту живот и ноги в первой позиции.

– Я хочу, чтобы ты танцевал со мной.

На секунду Максу показалось, что он оглох. Затем – что биение собственного сердца разорвало барабанные перепонки. А потом снова мелькнула мысль, что он допиллся до галлюцинаций. Нет, ну правда. Эта ненормальная явилась под музыку Глюка. Имя у неё неестественное. А уж то, что ему померещилось – так вообще из области фантастики.

Альда стояла не шевелясь. Напряжённая тонкая фигура. Длинная шея держит изящную голову. Светлые волосы мягкими пушистыми волнами падают на плечи. Она даже не смотрела на него. Тупила глаза в грязный пол, как скромная девственница из восемнадцатого века.

– Что, прости, ты сказала? – медленно, растягивая каждое слово, произнёс Макс.

Она вскинула голову. Бездонные тёмные глаза бесстрашно заглянули ему в душу, от которой – только лопнувший сдутый шарик. Синяя тряпочка на верёвочке. И тем безжалостнее в крошечной тишине отражаются от стен её слова:

– Я хочу танцевать с тобой, Макс.

Глава 2

Макс

– Если ты так шутишь, то шутка не удалась. Я не тот, кто смеётся над собой.

– Это не шутка, – Альда снова качает головой.

– Издеваешься? – вот чёрт. Водка на ветер. С Макса даже хмель слетел.

– Нет.

– Ну, тогда я напомним, если ты такая невнимательная или тупая, – он задирает штанину на левой ноге. Он бы даже ею покачал, если бы мог. – У меня нет ноги.

– Я не тупая и не слепая, – возражает Альда так тускло, что Макс тут же сомневается в её умственных способностях.

– Тогда проваливай и не трави душу.

– Нет.

Если бы она стояла ближе, он бы смог добраться до её шеи. А так... Ну, разве что в прыжке дотянуться. Но Макс сейчас сомневался, что способен на такой подвиг. Костылём её подцепить, что ли?..

Он откидывает голову. Касается затылком стены. Это даёт ему ощущение твёрдости. Да и мир не так плывёт перед воспалёнными глазами. Откуда она взялась, эта идиотка настырная?

– Ты не знаешь, что значит жить без ноги. Ты не знаешь,

каково это – чувствовать себя беспомощным в сильном и здоровом теле. Ты не знаешь, как это – забыть о движении, об игре мышц, прыжках и поворотах. Я не помню, как пружинит земля под ногами. Но она, – Макс яростно хлопает себя по колену, – она помнит. Болит. Хочет достать туда, куда ей никогда не дотянуться.

Зачем он ей всё это рассказывает? Мерзко. Словно давит на жалость. Он умолкает, пытается удержать судорожный вздох и ловит движение. Пытается сфокусировать взгляд и мотает головой, не веря глазам. Нет, она точно чокнутая. Больная на голову.

Альда спускает вниз гетры. Полосатые. Жёлто-чёрные. С котиками и бантиками по чёрному полю. Затем она задирает свитер и молча начинает стягивать с себя лосины.

Это что, акт милосердия?.. Он настолько жалок, что она решила его пожалеть таким образом?..

– Спасибо за стриптиз, – делает он три громких хлопка. – Но это уже лишнее.

Девчонка не останавливается. Точно сумасшедшая. Цирк подзатынулся, и Макс до ужаса хочется её выпереть поскорее и выпить ещё.

– Хватит! Прекрати! – он зол не на шутку, но Альда уже спустила штанишки и стоит перед ним, как ребёнок: лосины внизу, пальцами она аккуратно придерживает длинный свитер. Задрала его почти до трусиков. Но Макс туда не смотрит. Взгляд его прикован к уродливому шраму – сине-крас-

ному, что опоясывает правое колено, как змея.

Макс слышит, как капает вода. Противно, мерно, очень громко. Тикают часы на стене. А его будто привязали к сине-красной змее. Словно она ужалила его и парализовала. Всё плывёт перед глазами. По виску течёт капля пота.

– Я балерина, – Альда говорит так, будто находится под водой. Медленно, плавно, без эмоций. Ровный голос, неподвижное лицо. Только губы шевелятся, как створки раковины. – Как видишь, бывшая. Я больше ничего не умею. Да и не хочу. Ты поможешь мне. Я помогу тебе. Поэтому скажу ещё раз. Я хочу танцевать с тобой, Макс. Хочу, чтобы ты танцевал со мной. Даже не для того, чтобы кому-то что-то доказать. Хотя и это тоже. А... чтобы жить и дышать. По-настоящему.

Она разжимает пальцы. И растянутый свитер падает вниз. Прикрывает колени. Наклонившись, Альда поднимает лосины. Подтягивает их повыше под свитером. Не спеша поправляет гетры – смешные полосатые гольфы с ярко-жёлтыми ко-тятами и бантиками на чёрном фоне. А затем идёт к двери. В проёме останавливается и оборачивается.

– Ты подумай, – прожигает карими глазищами, – а я приду ещё. Дня через два.

Максу не хватило духу ни окликнуть её, ни остановить. Он так и сидел на табурете, с ненавистью поглядывая на костыли. Чёртова дура. Такой день испортила. Нарушила его личные границы. Тщательно лелеемое забытие. Не дала до-

слушать музыку. И вообще.

Он добрался до комнаты. Рухнул в компьютерное кресло на колёсиках. Крутнулся пару раз. Но в голове и так шумело и вертелось, как в балагане. Порывшись в плей-листе, врубил Моцарта. Погромче. Ту самую часть из «Реквиема», что стонала и оплакивала. Тянула, зажав в кулаке, нити души. И тот самый синий сдувшийся шарик поволокла за собой, как на аркане.

На столе – недопитый стакан с водкой. Макс зажимает его в руке. Смотрит, как плещется на дне прозрачная жидкость, а затем с силой запускает его в стену. Звякают осколки, вплетаясь в хор, что выводит заупокойную песнь.

Макс выключает музыку. Закидывает руки за голову. Пялится в потолок. Сидеть в тишине больно. Быть одному – невозможно.

– Приезжай, пожалуйста, – просит он сестру, как только та берёт трубку. – Я тут... в общем, приезжай, Лизхен.

Только ей он доверяет и может позвать. Только она не будет смотреть на него с жалостью, причитать, пугаться, записывать к психологу или психиатру. Мать совершенно не годится для специфических поручений. А младшая сестра – вполне.

Пока она добирается, лучше привести себя в порядок. И музыку повеселее. Конец классике. Привет, рок.

Макс опускает голову под холодную воду. Правда, отрезвлять уже почти нечего, разве что воспалённым глазам хоро-

шо. Он всегда пьянел медленно, трезвел быстро и никогда не упивался до невменяемости. Всегда умел изъясняться почти чётко и здраво. Разве что замедленная речь его выдавала.

Сестра тоже влетает без стука. Он так и не закрыл дверь после блаженной Альды.

– Ну? И что тут у нас на этот раз?

Она чутко водит носом, морщится, сразу же идёт открывать окна. Распахивает настежь. Холодный воздух тут же врывается в квартиру, надувает парусом тюль.

Лиза без просьб хватается за веник, убирает осколки, с сожалением оглядывает пятно на обоях. В её движениях нет суетливости и ни одного лишнего жеста. Убирает, пылесосит, моет посуду и пол, собирает в пакеты бутылки и мусор. Чётко, как робот. А затем садится в кресло, раскачивается из стороны в сторону, пристально изучая его лицо. От этого взгляда неуютно.

– Узнаю, кто тебе водку приволок – вырву печень и сердце. А лучше – ноги, чтобы больше не смел потакать тебе.

Зная Лизу, можно и не сомневаться. Ей всего двадцать, но хватка, как у бульдога. Или питбуля. И жалости от неё не дождаться.

– Спасибо, – Максу больше нечего сказать. Стыд душит. Но без её помощи ему не обойтись.

– Пожалуйста, – слишком вежливо. Видимо, перед взбучкой. – Ну, и долго ты собираешься киснуть? Жалеть себя? Потакать своему скотству? И почему, спрашивается, ты без

протеза? Опять на этих костылях прыгаешь.

Сестра напоминает ему вредную собачонку, что кидается грудью на слона, как моська.

– Не могу с этим протезом, – упрямо сжимает губы Макс. – не чувствую ногу, теряю ориентацию.

– Да что ты говоришь! – всплескивает руками противная Лизка. – Ориентацию, говоришь, теряешь? Именно с протезом? А без протеза, значит, мачо, как и был? Точно?

– Я не шучу, – злится Макс. – Это... отвратительно. Но я как будто теряюсь в пространстве. Не нахожу точек соприкосновения с землёй. Так дети, наверное, начинают ходить – их штормит и шатает. Поэтому они падают.

– Дети учатся ходить. Шаг за шагом, Макс. Падают и встают. Снова и снова, пока не начинают топать. То же самое нужно делать и тебе. И однажды всё получится. Знаешь, в чём отличие? Дети не боятся. А ты – да. Их ведёт вперёд любопытство. А тебя тормозит страх.

Лиза заправляет за ухо прямую тёмную прядь, облизывает губы и складывает руки на груди.

– Я сейчас скажу крамольную вещь, брат. И даже не боюсь быть удушенной или побитой. Пока ты не перестанешь себя жалеть и отстраняться от всего мира, у тебя ничего не получится. Ты даже не понимаешь, какой счастливчик. Ты потерял лишь часть ноги. До колена. И вполне можешь быть нормальным – прыгать, бегать, жить полноценной жизнью.

– Ещё скажи – танцевать, – кривит он язвительно губы и

почему-то перед глазами у него – Альда. Чучело без груди и в растянутом свитере. С красно-синим шрамом возле колена.

– Да! И танцевать! – горячо хватается за опасную мысль сестра. – Всё, что угодно! На руках ходить. Пить кофе в кофейне напротив. Целовать девушку и бродить по лужам в дождь, без зонта. Помнишь, как раньше?..

– Как раньше уже никогда не будет, – во рту становится горько. Привкус степной полыни и сухого ветра.

– Ну и по фиг, – Лиза зло сверкает глазами. – Будет ещё лучше. Только в это надо верить и меняться. Не оглядываться. Не вернётся уже ничего, ясно? И нога не отрастёт. И ты либо живёшь с этим, либо катишься вниз.

До него пока не доходили её правильные слова. Не трогали. Проходили мимо, как товарный поезд, у которого нет остановки, а есть какая-то далёкая станция прибытия. Но в груди засел жуткий дискомфорт. Ворочался и цеплял внутренности. Корёжил орган, который называют сердцем. Альда. Чёртова ведьма. С глазами-пропастями и козырем из рукава. Сине-красной змеей, что ужалила его и смотрела, как он корчится в муках, пытаясь переварить смертельный яд.

– Ладно, – Макс хлопает себя по коленям. – Я тебя услышал. Мне надо подумать, с чего начинать.

– С улыбки, – у его несносной сестры всегда есть ответ. – Начни с улыбки, Макс.

Глава 3

Альда

Он двигался как бог девяносто восьмого левела. Пластично, размеренно, с затаённой страстью. Под загорелой кожей бугрились мышцы, ягодицы сжимались ритмично. Аххх... оххх... Да-а-а-а...

Но это не секс, нет. Всего лишь танец. Хотя и в сексе он также хорош. Как перепетуум мобиле. Как отбойный молоток. Вдалбливался, проникал, вжимался. Дышал, группировался, красовался. Делал технически великолепные позы – недоступные простым смертным ухажёрам с неразвитой мускулатурой.

Он двигался как бог девяносто восьмого левела – не дотягивал совсем немного до сотого. Был хорош во всём и, наверное, для многих. Эс ничего не чувствовала с ним ни в танце, ни в сексе. Но если в первом случае она была жестока и придиричива, не умела притворяться и лгать, то во втором – знала – он не виноват.

Это она неправильная. С изъяном. Фригидная. И, как бы он ни старался, она могла только артистично стонать и сжимать стенки влагалища, имитируя оргазм.

Эс ненавидела ложь. Умирала внутри, когда приходилось говорить хоть слово неправды, но в сексе ей приходилось скрывать маленькую тайну большой ущербности. Кажется,

успешно.

Ник ничего не замечал. Впрочем, его мало интересовали чьи-либо эмоции или страдания, душевные метания или тревога. Он в окружающем мире и в людях любил только себя. Единственного и неповторимого. Великолепного и сияющего.

При этом он не хвастался и не бахвалился. Скромный. Вежливый. Бесконечно внимательный. Но Альда научилась со временем читать его. Узнавать по почти неуловимым приметам, когда он притворялся. Делал вид. Играл мышцами лица, изображая то участие, то сожаление, то скорбь. Иногда – улыбку. Ничего нового – всего лишь правильная группировка мышц. Жаль только, глаза не умели притворяться так же искусно.

– Никки, дорогой, перерыв на пять минут! – холодная рыбина с глазами стервы Стелла Перовская только с ним разговаривала ласково, отчего казалась карикатурой – безобразной тварью, фальшивящей каждым звуком.

– Эсми, подождёшь меня? – он вытирает белоснежным полотенцем лицо и тёмные волосы.

– Да, конечно.

Зачем она продолжала ходить сюда – одному богу известно. На неё не смотрели. Отводили взгляд. Часто конфузились. Те, кто помягче. А так она давно чувствовала себя пустым местом. Коля нуждался в ней. Наверное. Иначе бы он понял, как эгоистично и жестоко заставлять приходить на ре-

петиции и смотреть, как танцуют другие.

Колю любили родители и сжимали ей горло, прямо-таки навязывая «хорошую партию». И это была не партия в шахматы. Это была игра в жизнь, в которой она не чувствовала себя живой.

Она могла порвать отношения. Послать Колю подальше. Но не стала. В ней поселилась мечта, и Эс давала ей возможность вырасти, созреть, родиться.

Чтобы выносить ребёнка нужно много сил и терпения. Чтобы родилась мечта, нужно просто не отказываться от неё.

– Ты видела, Стелла звереет? В последнее время она хочет выжать из меня максимум. Скажу по секрету: она замолвила обо мне словечко перед Гайшинским, а это перспективы, ты же понимаешь. Конечно, это закономерность, но я и не надеялся, что это случится так быстро.

Он надеялся. Но продолжал лукавить даже перед ней. Да и Стелла перед ним разве что на пузике не ползала по сравнению с тем, как она себя вела обычно, с другими учениками.

– Я хотел посоветоваться с тобой, Эсми.

А вот это главное, зачем он захотел видеть её именно сегодня.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать, – она не лукавила.

Когда человека знаешь так долго, он практически становится родным. Ну, если не считать, что они года четыре активно трахаются. Не живут вместе, нет. Кочуют туда-сюда,

хотя Коля и настаивал. Ему было бы удобнее. Но Эс осталась непреклонной: жить под одной крышей с ним не хотела она. Нуждалась в свободе и личном пространстве, чтобы не потеряться, остаться собой, а не чьей-то матрицей – формой под кого-то. Вмятиной на гладкой глянцевой поверхности.

Он останавливается, берёт её за руки, и Эс внутренне сжимается. Если сейчас он попросит стать его женой, ей придётся отказать ему. Коля смотрит ей в глаза. Очень серьёзно и взволнованно.

– Эсми, дорогая, – ему, наверное, будет больно, очень больно. А ещё может накрыть депрессией и прийти творческий кризис. Ему и так пришлось нелегко, когда с ней случилась беда. – Ты же понимаешь: жизнь не стоит на месте. Если бы я мог, я нашёл бы рычаг и отмотал время назад. Предотвратил бы. Уберёг бы.

Тут самое важное слово – частица «бы», которая означает условие, которое помешало. Она переводит дух. Это не предложение руки и сердца. И её настолько легко, что остальное проходит мимо – заглушается шумом в ушах.

– Эсми, – сжимает он её ладони. И в глаза заглядывает с тревогой. Закусывает губу, и лишь она знает – это знак сильнейшего волнения, когда Коля почти не может владеть собой. А такое случается редко. Что она пропустила? – Ты слышала меня?

Эс кивает, затем отрицательно качает головой и улыбается. Наверное, улыбка сбивает его с толку.

– Я повторю: Стелла нашла мне новую партнёршу.

Эс моргает. Снова кивает. А затем ответно стискивает его пальцы.

– Да, конечно. Не переживай так сильно. Это закономерно. Так должно было случиться рано или поздно. И если ты думаешь, что я буду против...

– Я не отказался бы от этого предложения, даже если бы ты была против, – крутит он смущённо головой, но позволяет себе быть честным. Жестоко честным и в этот раз.

Что таится в его неподвижных зрачках? Он ждёт её реакции? Надеется, что она заплачет или устроит истерику? Нет же, нет. Это не в её характере. И он это знает. Малоэмоциональная. Сдержанная. Холодная. Снежная Королева – так иногда зовёт её Коля.

– Пойми меня правильно, Эсми. Этот шанс... я не должен упустить его. Ради будущего. Ради нас.

О, вот это лишнее. Чем дальше, тем «нас» становится меньше. Эс это видит. А Коля играет в благородство? Вряд ли он действительно искренне верит в то, о чём сейчас пытается вещать. Пафосно. Наигранно. Слегка жертвенно – так ему, вероятно, кажется. Он любит местами побыть жертвой. Особенно, если потом можно выгодно обыграть роль святого мученика.

– Коля, – Эс легко касается его щеки и поправляет ему растрепавшиеся на ветру волосы. – Я всё понимаю правильно. Делай так, как считаешь нужным. Тем более, что я тоже

должна тебе признаться.

Она смотрит куда-то мимо человека, с которым её свела судьба на несколько долгих, местами счастливых лет. Что осталось от них? Кучка смазанных воспоминаний, больше напоминавших скромное пепелище. Размером с костерок, который когда-то светил, но плохо грел.

– У меня скоро тоже будет новый партнёр, – произносит чётко, словно рисуя в воздухе замысловатые вензеля. Снова гладит его по щеке, почти жалея. Нет, она никогда не чувствовала его. И он – всё же стажёр девяносто восьмого левела. До бога ему не дотянуться. Потому что бог в танце вовсе не он. И жаль, если Коля этого не понимает.

Глава 4

Макс

Она не пришла ни через два, ни через три дня. Не то, чтобы Макс ждал эту сумасшедшую, но всё же нет-нет да вспоминал. Невольно. Даже не её саму, а слова, что сказала. Бред, конечно, и он это понимал, но живший в нём темпераментный неистовый Макс из прошлого поднимал упрямо голову. А ему казалось, что он умер – тот самый парень, способный на безумства и нечеловеческий по своему накалу драйв.

Макс Гордеев был из тех, о ком говорят: родился с золотой ложкой во рту. Папа, мама, сестра – крепкая семья, где водились деньги и чувства. Замес любви, понимания, искренности. Такое нечасто встретишь в их среде.

Он их обожал – своих родных. Он всё делал со страстью, не признавая полутонов и полумер. Половинчатость – не для него. Незачем жить или любить, если не умеешь полностью отдаваться. Без остатка, без запаса. Без заначки на потом. Только так можно почувствовать вкус и увидеть яркость красок. Ощутить, осязать не только кожей, но и чем-то намного глубже, куда не каждому достучаться. Но если кого Макс и пускал в своё сердце, то надолго, если не навсегда.

Он выкатил гантели из-под дивана. Сдул пыль. Смотрел на них с сомнением, как на чужие предметы в собственном интерьере. А затем на автомате сделал серию упражнений.

Тело помнило. Тело не хотело забывать.

Она появилась на его пороге, когда он лежал на коврикe мокрый и красный. Майка на груди потемнела от пота. Снова вошла без стука. А может, стучала, а он не слышал: чтобы отгородиться от всего, воткнул в уши наушники и забивал мозг роком.

Макс не удивился. Такие, как она, не отступают. Но всё же – надо признаться честно – побаивался, что она не придёт. Побоялся?.. Хм...

– Какие люди, – пробормотал беззлобно, срывая наушники и бросая гантели. Пониматься с пола не спешил. Смотрел, как она осторожно ступает, будто под ногами у неё не линолеум, а лёд. А может, это привычные штучки бывших балерин – ходить воздушно и немного вкрадчиво.

У неё длинные красивые ноги, хоть и скрытые гетрами и всё тем же растянутым свитером. Уродливо она одевается, но это сугубо её проблемы. И ему по фиг на самом деле. Пусть хоть заплатки у пугала огородного одолжит.

– Ну, что топчешься? Проходи, раз пришла. Я сегодня трезвый, а поэтому злой и жестокий. Ты готова к моему дурному настроению и беспощадному языку?

Макс улыбался криво, рассматривая нагло её снизу вверх. Ему не видно её лица. А посмотреть хочется. Поэтому он перевернулся на бок и, подперев голову рукой, продолжил ощупывать взглядом фигуру. Не спеша. Куда торопиться? Впереди вечность. Пусть весь мир подождёт.

Худая, как доска. Безгрудая. Огромный свитер только подчёркивал её бестелесную хрупкость. Наверное, её можно сжать в кулаке, и она хрупнет, как яичная скорлупа.

Острый подбородок. Изящные скулы. И контраст из желто-белых волос и карих глаз. Вероятно, в «девичестве» она брюнетка. Но разница хороша, если приглядеться. Интересно, как сильно ей хочется приставать к нему со своими дурацкими мечтами? Танцевать. Воздух из дымного колечка от сигареты ей.

– Раздевайся, – равнодушно, почти буднично. И холодными глазами её на полосы рвёт. Чтобы прониклась и замерла. – Секса хочу. У меня давно не было бабы.

Сейчас она заверещит, встанет в позу, начнёт рассказывать, что она «нитаякая и ждёт трамвая». Пока Макс с наслаждением рисует картины возмущённой целомудренности, эта ненормальная, взявшись за край своего вязаного балахона, начинает стягивать его. По-девчачьи. Перекрестив тонкие руки.

И надолго балеринам завозят храбрость? Или они, как резиновые пупсы, сдуваются, стоит только прикоснуться пальцем? Ему интересно, как далеко она готова зайти.

Под свитером у неё футболка – тоже не по размеру. Макс невольно раздражается. Как вообще можно рассмотреть её фигуру, если она так шифруется? Неужели всё печальнее, чем это выглядит на первый взгляд?

– Давай, давай, – подстёгивает он её и, усаживаясь поудоб-

нее, делает энергичные взмахи руками, призывая поэнергичнее раздеваться.

Под футболкой у неё спортивный лифчик. И да, он ошибся: грудь у неё всё же есть. Небольшая, но это всё же округлости, а не два соска на грудной клетке. Самое страшное – он завёлся. Прямо-таки с полуоборота, как только узрел эти круглые булочки с проступающими сквозь ткань сосками. Каменный член вжался головкой в резинку трусов. Блестяще, остро, до темноты в глазах.

А она не остановилась. Избавилась от лифчика. И вот теперь села на пол рядом с ним, и упругие грудки с бледными ореолами и острыми маленькими сосками маячат прямо перед его носом.

У неё глазищи, как два мощных пылесоса – засасывают. Смотрит прямо, и взгляд какой-то отстранённый, словно она – механический паяц, который делает то, что заложено в его программу. Никакого волнения, смущения, частого дыхания, румянца на щеках. Ей не стыдно. Она просто выполняет работу – может, грязную и неприятную, но необходимую.

Ослица. Сумасшедшая. Дура.

– Альда... – она не сразу услышала его хриплый, севший до сиплости голос. Её тонкие пальцы уже поддевают эластичную резинку лосин. – Альда! – погромче, чтобы очнулась от медитативного транса. Девушка вздрагивает. Взгляд становится осмысленнее, живее. – Всё, хватит. Одевайся.

Она ни о чём не спрашивает. Так же послушно начинает натягивать свои шмотки назад.

– Ты всегда такая?

– Какая такая? – слышит он впервые за сегодня её голос. Глубокий и низковатый для такой пичужки, как она. Впрочем, она не малышка, не миниатюрная крошка. Для балерины даже высоковата, наверное.

– Отмороженная. Или ты знала, что я тебя остановлю?

– Не знала, – на лице её нет эмоций. Гладкая кожа. Великолепные скулы. Хочется провести по ним пальцем, но Макс давит в себе подобные мысли, как клопов. Не хватало ещё нежничать с этой трахнутой на голову.

– И что, пошла бы до конца? Стала бы подстилкой на час? Только потому, что какой-то левый незнакомый козёл приказал тебе? – он начинал реально злиться, гневаться на эту простушку.

Точно у неё ку-ку не хватает. Болт вылетел, гайка ослабла в мозгах. Может, у неё психическое расстройство какое? Вон, лицо неподвижное, как маска. Нормальные люди с такими лицами свободно не бродят.

Альда пожимает плечами.

– Если бы тебе это помогло – да. Я пошла бы до конца.

– Почему? – никакой гнев не помогает уgomонить окаменевший член у него в штанах.

Альда смотрит ему в глаза. И что-то такое мелькает в её взгляде – неуловимое, но живое. Мелькает и прячется за

ширмой тёмных ресниц.

– Потому что когда есть цель, её нужно добиваться любыми способами.

– Даже переступая через себя? Свои принципы? Устои? Мораль?

– Есть вещи, которые легко могут подвинуться, когда я шагаю к мечте.

Она улыбается так, что Максусу кажется, будто его кто-то в солнечное сплетение саданул двумя кулаками со всей дури.

Точно чокнутая. Но только откуда этот свет и восторг, который рождается при виде её лица, которое преображается и словно расцветает всего лишь оттого, что растягиваются в улыбке её губы?..

Глава 5

Макс

– У нас ничего не получится, – заявляет он без обиняков, не сразу соображая, что объединил их в единое целое. «У нас» – вот же чёрт. – Точнее, у меня, – поправляется поспешно. – У тебя одной – возможно. С кем-то другим – вероятно. А ты и я – заведомо провальная идея.

Она не возражает. Смотрит лишь на него, как на неразумное дитя, которое ещё не понимает, как нужно правильно поступать. Накручивает на палец прядь своих волос. Рассеянно и машинально. И жесты её тонких пальцев притягивают взгляд.

– В чём я ошиблась? – задаёт вопрос, а в уголках её губ тлеет улыбка, как кончик тонкой дамской сигаретки с ароматом тёрпких вишнёвых веточек.

– Я... не смогу, – выдавливает из себя через силу. Трудно, но зато правда.

Больше всего хочется послать её матом, вытолкать за дверь, но Макс не собирается потакать низменным порывам. Нужно смотреть на всё спокойнее – пора уже. Принять реальность, проговорить самые тяжёлые моменты вслух, чтобы освободиться и как-то ползти дальше. Безногие живут. Это не конец света. Нужно только об этом почаще говорить самому себе.

– Почему?

Макс с трудом возвращается к разговору, прерванному на размышления. Роемся мучительно в мыслях, чтобы дать достойный ответ, но ничего умного не находится. Лучше правду. Может, отстанет, оставит в покое.

– Потому что у меня проблемы, – пожимает плечами. – Я ходить толком не могу, а ты танцевать... Я ненавижу этот протез, а он ненавидит меня. Я не чувствую устойчивости. Теряюсь. Падаю. В общем, все тараканы здесь, – он стучит пальцем по лбу.

– Значит, настала пора избавляться от них, – в её голосе – ослиная уверенность и непоколебимость. Безмятежное спокойствие. Именно это запускает его взрывной механизм.

– Ты меня не слышишь, да? Не понимаешь и не хочешь понимать! – горячится он. Желваки ходуном ходят, а зубами Макс не скрипит только потому, что не позволяет себе впасть в буйство, когда пелена застилает глаза и поступки не всегда адекватные совершаются. – Я больше, чем инвалид, я неадаптированный инвалид с нарушением координации движений, фантомными болями и неадекватными реакциями на пространство. Я будто инопланетянин, что попал в чужую, враждебную среду и никак не может привыкнуть к новой реальности.

– Что ещё ты придумаешь, чтобы я от тебя отвязалась?

Он даже не нашёлся, что ответить. Завис, как глухая операционная система. Для острастки мог и синий экран

смерти выкинуть, если бы был бездушной машиной.

– Ты мне не веришь? – гнев резко сменился апатией. Не хотелось ничего ни доказывать, ни объяснять. Зачем он вообще попытался? Надеялся, что она его поймёт? Утешит? Погладит по голове? Развернётся и уйдёт, оставив его наедине с проблемами, которые никак не хотели решаться.

– Верю, – это прозвучало так, словно она клялась на Библии. – А ещё больше я верю в тебя, Макс. В того парня, что рвал на части танцевальные баттлы. В того, кто на спор выигрывал конкурсы. Кто танцевал на мостовых города и собирал вокруг толпы людей. Кто не пропускал ни одного марафона и флэшмоба.

– Ты следила за мной, что ли? – он даже злиться на неё не мог сейчас. Альда цепляла за самое больное и лезла туда, куда он не позволял и себе заглядывать, поэтому на смену злости пришла апатия. – Слишком много обо мне знаешь.

– За таким следить не нужно. Ты всегда был на виду.

С этим трудно спорить.

– Я не помню тебя. Совсем. А ведь ты должна была быть где-то рядом. Но я точно не учился в балетной школе.

Макс позволил себе короткий смешок. Спрятал глаза, уткнувшись в собственную руку. Запястья ослабли. Ладоням не хватает крепости, а ему самому – солнца. Чтобы загореть до черноты, как раньше. А то слишком бледен стал, как умирающий от голода вампир.

– Зато я училась во «Вспышке».

Кажется, Макс уже ничему не удивлялся, но она заставила его брови ползть на лоб. Она и «Вспышка»? Это тонко-костная эфемерная балеринка среди мышц, ора, энергии через уши?

– Недолго, – уточнила Альда. – Я посещала вольные занятия Грэга по выходным.

– Зачем? Говорят, у вас там жёстко. Учитесь сутками.

Альда склоняет голову. У неё длинная шея. Даже безобразный свитер этого не скрывает.

– Хотела преодолеть барьер. Испытать себя. Посмотреть, способна ли я на что-то другое.

– Преодолела? – Макс не может скрыть скептицизм, хоть и старается.

– Можно сказать и так, – поводит она мягко плечами. И от этого жеста у Макса опять болезненно сжимается в паху.

Кажется, пора завязывать с добровольным затворничеством. Расслабиться и оттянуться. Благо, есть пара-тройка некомплексующих подружек, которые готовы утешить бедного Макса.

Печально, что его заводит вот такое невзрачное создание: Макс упорно не желал видеть лучшие стороны её внешности. Предпочитал остановиться на первом образе: бесформенное нечто с личиком-треугольником, бледной кожей и не впечатляющей внешностью.

– Мой ответ «нет», – решил он покончить с этой тяготиной и поставить точку в тягостном разговоре. Слона нуж-

но есть по кусочкам, иначе можно заработать несварение. Слишком много прошлого и печального настоящего – убивает.

– Ты даже не хочешь попробовать? – Альда сидит неподвижно. Одна нога – под ней. Вторая, та, что со шрамом-змеёй, вытянута вперёд.

Они сейчас как в позе «шестьдесят девять». Валетиком. Невыносимо рядом друг к другу и абсолютно далеко, словно за барьером.

– Нет. Не хочу ни разочарований, ни лишней боли. Если ты скажешь, что я слабак, соглашусь. Никаких слабё, на спор, испытательных сроков. Нет, Альда, нет.

– Ладно, – соглашается она ровно. Почти равнодушно, словно не пришла уговаривать его, а только послушать отказ и уйти не солоно хлебавши. – Нет так нет.

Макс не может понять, что чувствует. Разочарование? Он был твёрд в своём намерении не беречь старые раны, но сейчас, когда чёртова девчонка даже не попыталась его переубедить, внутри растёт глухое раздражение. Ждал, что начнёт уговаривать? Его тошнит от самого себя. Гадливое чувство по отношению к собственным словам и поступкам.

Он смотрит, как Альда плавно поднимается с пола, опираясь на здоровую ногу. Вторая почти не участвует в этом процессе. Наверное, немного жаль, что она сейчас развернётся и уйдёт. Он больше никогда её не увидит. Не принц из её выдуманной сказки Макс Гордеев, увы.

И пока он крутит в голове горькие мысли, наблюдая за девушкой, пропускает момент, когда она молниеносно наклоняется, хватая за руку и дёргает на себя, вынуждая подняться.

Тело не забыло. Тело среагировало. Макс машинально повторил то, что буквально минуту назад видел. Крепко вцепившись в тонкую руку Альды, он упёрся здоровой ногой в пол и поднялся. Практически без усилий. Будто только этого и ждал.

Глава 6

Альда

Она ничего не планировала заранее. Знала: будет нелегко. А ещё догадывалась: переломить упрямца может только ещё больший упрямец. Эс всегда была из тех, кто гнётся, но не ломается. И многого добивалась трудом, нечеловеческим упорством, умением трезво смотреть на мир и хладнокровно принимать решения.

Это был экспромт. Вспышка. Спонтанное решение. Даже если бы он не поднялся, она, по крайней мере, вздрюкнула бы его. Попыталась растормошить или хотя бы вогнать в стресс. Но он поднялся легко, считай, без усилий.

– Должен тебя огорчить, – лицо его близко-близко. Эс чувствует дыхание. Видит губы, сломанный когда-то нос и глаза с густыми ресницами – красивые, как у девчонки. Правда, сейчас они злые, но разве её напугать? Даже если ударит – она выдержит. – На здоровой ноге я стою нормально. И на костылях прыгаю достаточно сносно. Так что если ты пыталась меня выдернуть, то ошиблась.

Они так и стоят – держась за предплечья друг друга. Эс делает шаг назад, Макс, покачнувшись, следует за ней. Мягкий прыжок. Пластичный и сильный – ничего не изменилось.

– Хочешь поиграть? – сдувает Макс с глаз упавшую чёлку. – Ты проиграешь, так и знай!

Вот таким она хотела его видеть – неистовым и заводным. Немного с чертовщинкой.

– Напугал. Уже боюсь, у меня всё трясётся, – делает Эс ещё шаг назад. Она не хочет его дразнить – всего лишь заставить двигаться. Эс просчиталась только в одном: Макс не тот, чьё имя «терпение». Ещё один шаг – и он схватил её за талию, поднял вверх, сделал прыжок и больно приложил её спиной о стену. От неожиданности Эс прикусила губу.

Макс тяжело дышал. Руки – клещами на талии. Тело – всем весом на ней. Он медленно разжимает пальцы, опирается ладонью о стену, позволяя ей наконец-то почувствовать землю под ногами.

– Испугалась? – голос у него хриплый, с низкими завораживающими нотами. Яростно помотала головой. – Испугалась, – утверждает он и проводит большим пальцем по губе. Эс замирает, прислушиваясь к ощущениям. – У тебя кровь. Альда?

– Что? – у неё тоже голос сбоит и кажется почти мужским – настолько низко и гортанно звучит короткий вопрос.

– Ничего, – выдыхает Макс почти ей в губы и впивается поцелуем. Жадным, горячим. Нет в нём ни нежности, ни трепета. Только мужская сила и грубость – животная, низменная, похотливая. Он вжимается в неё всем телом, и Эс чувствует его возбуждение и невыносимо горячее тело. Жар проникает даже сквозь слои всех одежек.

Поцелуй-наказание. Поцелуй-ярость. Поцелуй-порабо-

щение, когда насилуют языком израненный рот, зализывая попутно ранку.

Макс отрывается от неё нехотя, через силу. Влажная от пота прядь падает ему на глаза. Шумное, прерывистое дыхание опалает кожу, шевелит волоски на висках.

– Альда, уходи, а? Или я тебя изнасилую. Уходи.

Эс приподнимается на цыпочки, отчего их тела трутся друг о друга и соприкасаются ещё теснее. Убирает непослушную прядь с глаз. Легко дует ему в лицо, отчего Макс прикрывает глаза. Ему нравится её дуновение, похожее на свежий ветер.

– Ничего ты подобного не сделаешь, Гордеев.

Она осторожно вжимается в стену и выскальзывает из-под тяжёлого твёрдого тела, но не убегает, как трусливый заяц, не дрожит и не мчится вон, теряя тапки. Не для этого она сюда пришла, чтобы изображать робкую девственницу, которая боится собственной тени.

Макс приваливается плечом к стене. Ему тяжело стоять. Она видит, как мелко подрагивает уставшая нога.

– А даже если б и сделал... Меня этим не напугать, – потирает она ноющую от удара спину и видит, как с тревогой он наблюдает за каждым её жестом.

– Ты сумасшедшая. Без башни.

Ей не впервой выслушивать подобные слова. Но от него она их стерпит. Без последствий. Все остальные, кто смел её оскорблять, получали сполна за свои опрометчивые слова.

– Думай, что хочешь.

– Больно? – не отрывает Макс взгляда от её руки, что потирает ушибленное место.

– Не больней всего прочего. Пара синяков – рассосётся. И, кстати, у тебя шикарная координация движений.

– Без протеза, – кривит он губы. – Я уже говорил. Правда, вот так упражняюсь, наверное, впервые.

Он делает несколько скованных прыжков и с облегчением падает на диван. Растирает бедро и голень, шевелит босыми пальцами.

– Я вернусь, Макс, – звучит, как угроза, но Эс уже ничего не может поделать – уходит прочь. С достоинством, не спеша, не давая ему опомниться и кинуть какую-нибудь гадость в спину.

Холодный весенний воздух забирается под свитер, овеивает лицо. Голубое небо режет глаза своей незамутнённой чистотой. Ни облачка. На деревьях проклюнулись листочки. Будет жаль, если их побьёт ночной морозец.

Она бредёт, разглядывая город. Не садится ни в маршрутку, ни в трамвай. Не спускается в метро. Ей нужен сейчас ветер и холод. Ноет спина и нога, но идти важнее. Так мысли лучше укладываются на полочку её идей.

Эс замыкает круг, чтобы разорвать цепи былых обязательств, путы душащих отношений, паутину дурацких слов и лжи. Но чтобы проделать всё это, нужно пережить ураган. Что ж, она готова. Ни один удар не способен свалить её с

ног. Ни одна буря не способна заставить её свернуть с наменного пути.

– Партнёр?.. – растерялся до потери пульса Коля четыре дня назад. – Что ты задумала, Эсми? Ты консультировалась у врача? Ты знаешь, что любые нагрузки могут вызвать обострение и принести лишние страдания?

Она не собиралась ему отчитываться. И откровенничать – тоже. Всё, что хотела сказать, выдала, чтобы он не мучился ложными приступами мук совести, которой у Коли было откровенно мало.

– Всё хорошо, Коля, – снисходительно похлопала его по плечу, давая время очухаться и прийти в себя. – Ты же знаешь: я самая холодная и расчётливая, самая рациональная и меркантильная. Всегда пекусь о своём здоровье и никогда не позволяю ничего лишнего. Режим, правильное питание, здоровые нагрузки, трезвая оценка своих сил, возможностей и способностей.

Она сейчас лгала. Но Коле об этом знать не нужно. Именно такой он её видел и никогда не пытался заглянуть глубже. Ему не было до этого дела. Ни тогда, ни, тем более, сейчас.

Эс тогда так и ушла, оставив его в раздрае. Давненько она не видела Островского в расстроенных чувствах. Да-да. Николай Островский. Родители часто не задумываются, когда дают своим детям имена. Но ему шло. Звучало красиво. Особенно когда объявляли его выход.

То, что она совершила ошибку, рассказав о едва наметив-

шихся планах, Эс поняла уже вечером. Ники ввалился к ней с букетом роз и чаем – тем самым сортом, который, как он считал, она любит. На самом деле, это был его любимый чай, а Эс никогда не переубеждала. Зачем? Её всё устраивало, а такие мелочи казались смешными и порой забавными: даже в таких мелочах Коля оставался верен себе на все двести процентов: любил только себя, прекрасного.

Он ни о чём не спрашивал. Не задавал вопросов. Но по тому, как кидал пытливые взгляды, Эс поняла: он помнит и хочет контролировать процесс. В его стиле. Но можно даже не знать Колю так хорошо, как она, чтобы понять: надолго его не хватит. Не тот характер и не тот стержень.

Той ночью он творил чудеса в постели: проделывал акробатические номера, чутко вслушиваясь в её дыхание и деланные стоны. Он ни черта не понимал, а ей не трудно было в очередной раз провести его вокруг имитированного оргазма. Нет, трёх лживых оргазмов.

Он впервые за много лет прикоснулся губами к почти сухим складочкам, раздвинул их языком и попытался ласкать клитор. И, наверное, ей бы понравилось, если бы не безнадежность её как женщины. Кажется, было немножко приятно. Какое-то время. А потом она снова почти ничего не чувствовала. И пришлось поднапрячься и изобразить. Великая порноактриса внутри неё рыдала бриллиантовыми слезами размером в три карата.

Коля обихаживал её как призовую элитную лошадь три

дня. Таскал везде с собой, неизменно возвращался под вечер. Эс только улыбалась, глядя на его потуги уберечь волосы, когда голова с плеч уже снята.

На четвёртый день он расслабился, и тут-то она исчезла из поля его зрения.

– Где ты была? – задал он вопрос, как только Эс открыла дверь. Надо бы отобрать у него ключи, чтобы не смел вваливаться, когда ему заблагорассудится.

– Гуляла, дышала свежим воздухом, – почти сказала правду. Об остальном – просто умолчала. Не сейчас. – Как прошла великая встреча?

Отличный манёвр. Коля тут же забыл обо всём на свете и взахлёб начал рассказывать о Гайшинском. И о том, как Стелла подобострастно гнулась в пояс. Мерзкая тётка. Талантливая, но абсолютно неприятная, жутко беспринципная. Вот у кого кусок льда вместо сердца. Но она умела рождать сенсации и таланты, поэтому ей прощали всё.

Этой ночью Эс даже не старалась. Лежала бревно бревном и никак не реагировала на Колины потуги её возбудить и расшевелить. Надо бы симитировать, но какая-то всеобщая апатия охватила тело. И пока он трудился, двигался ритмично и долго, непростительно долго, загоняя свой приличных размеров член в её горящую от сухости вагину, она почему-то вспомнила поцелуй Гордеева. Горячий и неистовый. Сумасшедший и злобный. И то, как он засовывал ей язык в рот – жёстко, собственнически. Как прикусывал нижнюю

губу, обволакивая своим ртом так жарко, что где-то внутри ёкнуло. Ударило в низ живота незнакомой томительной тяжестью. Защекотало где-то под рёбрами. На мгновение.

И от воспоминаний жаркая волна прокатилась от макушки до кончиков пальцев на ногах. Ураганная, напористая, как и Макс. И тело непроизвольно дёрнулось, сжалось. Захотелось свести ноги и прикоснуться к себе там. Впервые. Никогда Эс ничего подобного и не делала, и не желала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.